

Леонардо Ди КАПРИО:

«Благодаря спорам мы лучше узнали друг друга»

Сьюзен ХОУАРД

Звезды на полосах

В этом году Леонардо Ди Каприо с триумфом вернулся на большой экран после двух лет отсутствия, сыграв в исторической эпопее «Банды Нью-Йорка» Мартина Скорсезе и ленте «Поймай меня, если сможешь» Стивена Спилберга.

Бывший кумир подростков рассказывает о трудностях перехода на взрослые роли во взрослых фильмах и вспоминает детство и юность.

— Правда ли, что без вас проект «Банд Нью-Йорка» не состоялся бы?

— Да, скорее всего. Я всегда мечтал поработать с Мартином Скорсезе. Я обожаю его фильмы. Впервые услышал об этом проекте в 16 лет. Я поменял агента, потому что мне хотелось работать со Скорсезе, а предыдущий агент говорил мне, чтобы я не совался в высшую лигу. Мне пришлось восемь лет ждать встречи со Скорсезе. Я смог с ним встретиться только после того, как стал клиентом агентства AMG, новой фирмы Майкла Овитца. Мартин Скорсезе также является ее клиентом. Овитц спросил его: «Ты все еще хочешь снимать «Банды Нью-Йорка»?» Леонардо хотел бы поговорить с тобой об этом проекте». К этому времени Мартин давно уже распростился с надеждой снять «Банды Нью-Йорка» — ни одна кинокомпания не могла потянуть финансирование. Он 25 лет пытался снять этот фильм, и когда совсем отчаялся, ему подвернулся я!

— Вы говорите, что вам было 16 лет, когда вы услышали об этом проекте. Кто рассказал вам о нем?

— Мой отец. Он сказал мне: «Раз Мартин Скорсезе твой любимый режиссер, ты должен внимательно следить за его карьерой в надежде, что он рано или поздно пригласит тебя на собеседование. Недавно он говорил в интервью, что хочет снять «Банды Нью-Йорка» — фильм из жизни ирландских эмигрантов в США. Это была первая мафия в Америке. Скорсезе уже много лет пытается поднять этот проект!» Я прочитал, загорелся... но мне потребовалось много лет и успех «Титаника», чтобы я смог попасть в этот проект.

— Как прошла ваша встреча?

— Скорсезе сказал, что готов снимать в любую минуту, поскольку фильм уже снят у него в голове. Я заканчивал съемки в Таиланде в фильме «Пляж», когда мне позвонили и сообщили, что проект «Банд Нью-Йорка» определенно запускается в производство. Потом три года пришлось ждать. Год я тренировался, качал мускулы. Точнее, два раза по полгода, потому что у нас был большой перерыв — съемки пришлось сильно отодвинуть из-за того, что не были готовы декорации. Все это время я учился драться, метать ножи и прочее. Труднее всего было научиться драться так, как дерутся люди на улице. В

Голливуде много школ восточных единоборств, но считанные единицы специалистов по уличным дракам. Одним словом, мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы убедительно сыграть члена уличной банды.

— О чем говорил с вами Мартин Скорсезе во время первой встречи?

— Он говорил о героях фильма так, словно речь шла о его родственниках. У него еще не было готового сценария, но он хорошо представлял себе, что будет происходить на экране. Он сказал, что хочет захватить врасплох самый важный момент американской истории, который, как он выразился, был вырезан при монтаже. Он взахлеб рассказывал мне о том, что происходило в Нью-Йорке в ту эпоху. Это была маленькая, сконденсированная в одном городе гражданская война. Он рассказал мне об одном из самых жестоких городских мятежей в США. Тысячи ирландских эмигрантов прибывали на кораблях, спасаясь от голода, в поисках новой жизни на Земле Обетованной — и их сразу же с кораблей отправляли на войну! Войну против тех, кто считал себя «коренными американцами» из-за того, что родился в Америке, как Билл Мясник, и считал, что эмигранты — люди второго сорта. Автократия Нью-Йорка хотела объявить город самостоятельной страной. Мартин рассказывал мне, как все эти события постепенно по-

могли создать в Америке демократию. Но он предпочитал говорить не столько о глобальных событиях, сколько о том, что происходило в то время на улицах. Мартина интересовали люди. Он типичный житель Нью-Йорка, как Спайк Ли и Вуди Аллен. «Банды Нью-Йорка» стали для него последней главой в написанной им истории этого города.

— Перед началом съемок он показывал вам какие-нибудь фильмы в качестве примеров или для вдохновения?

— Нет, он дал мне книги — «Банды Нью-Йорка» Герберта Эсбери, «Жизнь внизу» (Low Life) Люка Сэнти и еще одну рукопись той эпохи, в которой молодой человек, живший в детстве в исправительном учреждении, описывал пережитое. Он хотел, чтобы я почувствовал тот период, поведение людей, атмосферу. Это была удивительная эпоха! Она одновременно напомнила мне времена Дикого Запада и гангстерские фильмы 30-х годов. Единственная разница заключалась в том, что в те годы практически никто не пользовался огнестрельным оружием, и все бои были рукопашными.

— Почему вы хотели сыграть Амстердама и считаете ли вы себя наиболее подходящим актером на эту роль?

— Трудно ответить, не впадая в претенциозность. Я чувствую, что испытывает этот человек. Я понимаю, что он воплощает. Это собирательный образ, он родился

в Америке, но по происхождению ирландец. Он пытается найти свое место в Новом Свете и для этого он сделает все. У него нет иного выхода — он должен выжить. Это сирота, несущий на своих плечах бремя наследия своего отца, но он хочет стать самостоятельной личностью. Он разрывается между жадной мести и преклонением перед человеком, которого должен убить, — человеком, который правит отмирающим миром и подсознательно чувствует, что принадлежит прошлому. Это очень символический персонаж. Для меня это было вдвойне интересно еще и потому, что оба моих родителя — эмигранты, и они рассказывали мне удивительные истории о себе и своей жизни. Моя мать родилась в Германии, во время Второй мировой войны, в подземном убежище во время бомбардировки. Дед по отцовской линии приехал в Америку на маленьком судне, чудом пересекшем Атлантику. Поэтому я чувствовал этот материал не только умом, но и сердцем.

— Вы могли понять страсть к насилию, которое влечет героя?

— Знаете, в школе я часто дрался с одноклассниками. Как правило, меня сильно избивали, потому что я был маленьким — но с гонором. Мне было обидно, что я самый маленький в классе. Я начал по-настоящему расти только будучи старшеклассником. Я уже много лет не дрался, но хорошо помню

детские ощущения в гуще драки.

— Вы выросли в Лос-Анджелесе. Можно ли провести параллели между тем, что происходит в «Бандах Нью-Йорка» и враждой банд в современном Лос-Анджелесе?

— Я никогда не входил в какие-либо неформальные молодежные группировки, поэтому мне трудно об этом судить. Но я должен сказать, что учился в школе, неподалеку от Ладейра-Хайтс, где большинство учеников были черные, и среди них действительно были члены молодежных группировок. Они оспаривали контроль над определенными территориями. Одни одевались в синее, другие — в красное. Одного мальчишку избили возле школы из-за того, что он надел красный свитер. Странно, не правда ли — прошло больше века, а все остается по-прежнему?

— Сценарист «Банд Нью-Йорка» Хосейн Амини рассказывал, что вы с ним два дня просидели в номере отеля, переделывая сценарий.

— Мой персонаж был не очень хорошо прописан в сценарии, роль нуждалась в доработке. Не было ощущения, что он является главным героем этой истории. Напротив, Билл Мясник, персонаж, которого играл Дэниэл Дэй-Льюис, был прописан просто великолепно. Мне было важно, чтобы в сценарии был отражен не только путь Амстердама, но и его эмигрантские корни. Нам хотелось найти баланс между конкретным человеком и символическостью персонажа. Нам пришлось многое переработать, изменить кое-какие детали, диалоги. Мы сняли с него всю шелуху, оставили только самое важное и добавили ему необходимую глубину.

— Вы впервые работали со сценаристом так тесно?

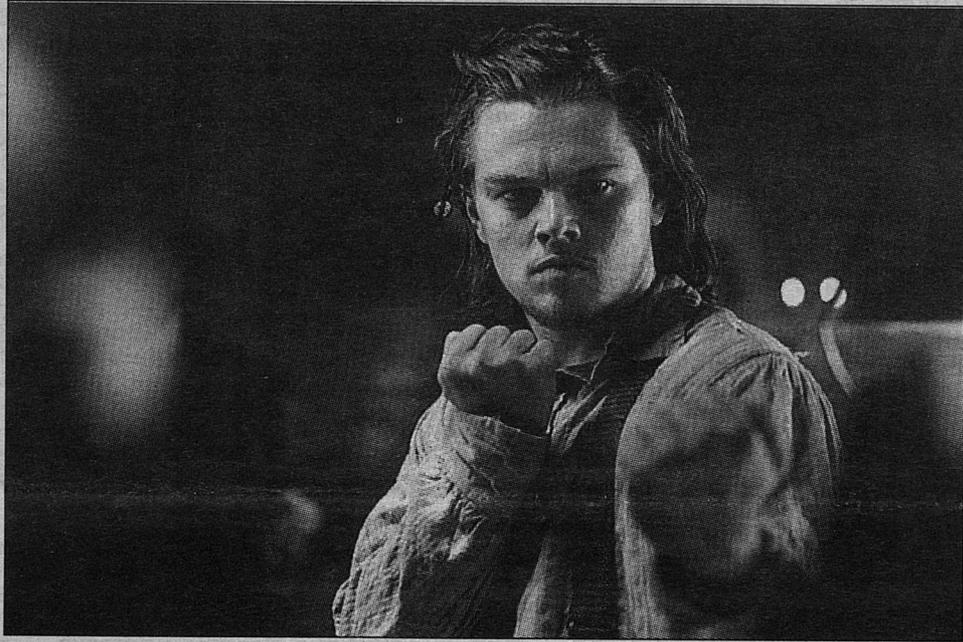
— Да. Я никогда раньше не имел возможности обсуждать слова, которые мне предстоит произнести перед камерой. Это удивительно, когда актер может сотрудничать с драматургом. Я также работал с Кеннетом Лонерганом над закадровым текстом. Собственно говоря, мы работали над этим сценарием до бесконечности. Иногда мы меняли какие-то детали буквально накануне съемок. И так — целых два года.

— Для этого фильма вы научились говорить с ирландским акцентом.

— Да, это было невероятно интересно! У нас в фильме герои говорят на особом диалекте — это не просто жаргон той эпохи, это гангстерский жаргон той эпохи. У нас был специальный учебник и словарь этого жаргона. Мы с Дэниэлем Дэй-Льюисом, с одобрения Марти, пытались делать то, что раньше было сделано на «Заводном апельсине». В фильме Кубрика они то и дело говорят слова, понятные только им. Мы тоже хотели такого эффекта. Во время читок мы сидели за большим столом — Дэниэл, Кэмерон Диас, Марти и я — и вместе перерабатывали сценарий. Это было удивительное испытание — мы снимали на студии «Чинчитта» в Риме, где специально для съемок построили целый город. Мы погружались в эпоху с головой.

— Правда ли, что по сравнению с «Бандами Нью-Йорка» «Титаник» показался вам легким проектом?

— Совершенно верно! Для

Экран и сцена.

“Банд Нью-Йорка” мы воссоздали иную реальность, огромную, насыщенную страстями и событиями. Мне невероятно повезло, что я смог в нее попасть.

— Говорят, у вас было много споров — если не сказать столкновений — с Мартином Скорсезе. Это правда?

— Да, иногда это необходимо, чтобы получить хороший результат. Как я уже говорил, мне казалось, что Амстердам как персонаж немного хромает, что ему не хватает каких-то важных деталей. Мы стремились лучше его определить как личность, сделать так, чтобы он не потерялся в сюжете. Это были очень полезные и здоровые споры. Думаю, благодаря этим спорам мы лучше узнали друг друга.

— Во время работы со Скорсезе он оказался таким, каким вы ожидали?

— Да, и даже лучше! Сегодня я могу сказать, что работал с одним из величайших мастеров визуального стиля. Думаю, что в следующем году мы снова будем работать вместе. Для меня работа с ним — это сказка, ставшая былью. Для актера моего возраста возможность сняться в фильме Скорсезе — невероятная удача.

— Многие актеры говорят, что при общении со Скорсезе больше всего поражает его скромность, словно он не понимает, что является живым классиком.

— Совершенно верно. Марти остается молодым в душе, потому что все время пытается что-то себе доказать, он никогда не бывает доволен своими достижениями. Он всегда работает как молодой режиссер независимого кино, ставящий свой первый фильм. Это его особенность, его комплекс, если можно так выразиться. Он неспособен оценить размер своего таланта. Обычно происходит наоборот. В киноиндустрии очень много людей, которые купаются в собственном величии, пока не превращаются в ноль без палочки.

— Вы часто бываете довольны своей работой?

— Никогда. Мне никогда не нравится то, что у меня получается. Я всегда говорю себе, что мог бы сделать и лучше.

— Мартин Скорсезе сказал, что между вами и Кэмерон Диас с первого же дня возникла настоящая алхимия.

— Марти заметил, что мы быстро нашли общий язык. Мы с Кэмерон дружим уже десять лет, у нас один и тот же менеджер. Марти сказал, что благодаря ей я лучше играю в любовных сценах, что мы пробуждаем друг в друге лучшие черты.

— Когда вы впервые увидели на экране Даниэля Дэй-Льюиса?

— В фильме “Моя левая нога”. Он так здорово играл, что я едва не бросил актерскую профессию, потому что понял, что мне никогда не подняться на его уровень. Дэй-Льюис — невероятно мощный актер.

— Все, кто раньше работал с Дэй-Льюисом, говорят, что он остается в образе все время съемок. Трудно ли было с ним работать, не возникало ли конфликтов?

— Это было идеальное сотрудничество в лучшем смысле слова! Все почему-то спрашивают, случались ли между нами ссуды. Людям нравится думать, что если актеры играют противников, они и в реальности

противостоят друг другу. Нет, уверяю вас, мы оба погружались в наших персонажей очень глубоко, но это не мешало нам сотрудничать. Журналисты писали во время съемок, что мы ссоримся, что Дэй-Льюис ведет себя грубо, что я каждый вечер устраиваю вечеринки. Нам было обидно читать эту чушь. Мы полтора года работали, не покладая рук, чтобы снять этот фильм. Когда мы говорим, что Дэй-Льюис оставался в образе Билла-Мясника, это означает лишь одно: он разговаривал со мной и Марти с тем акцентом, который он нара-

его мерке. Его смерть стала страшной потерей.

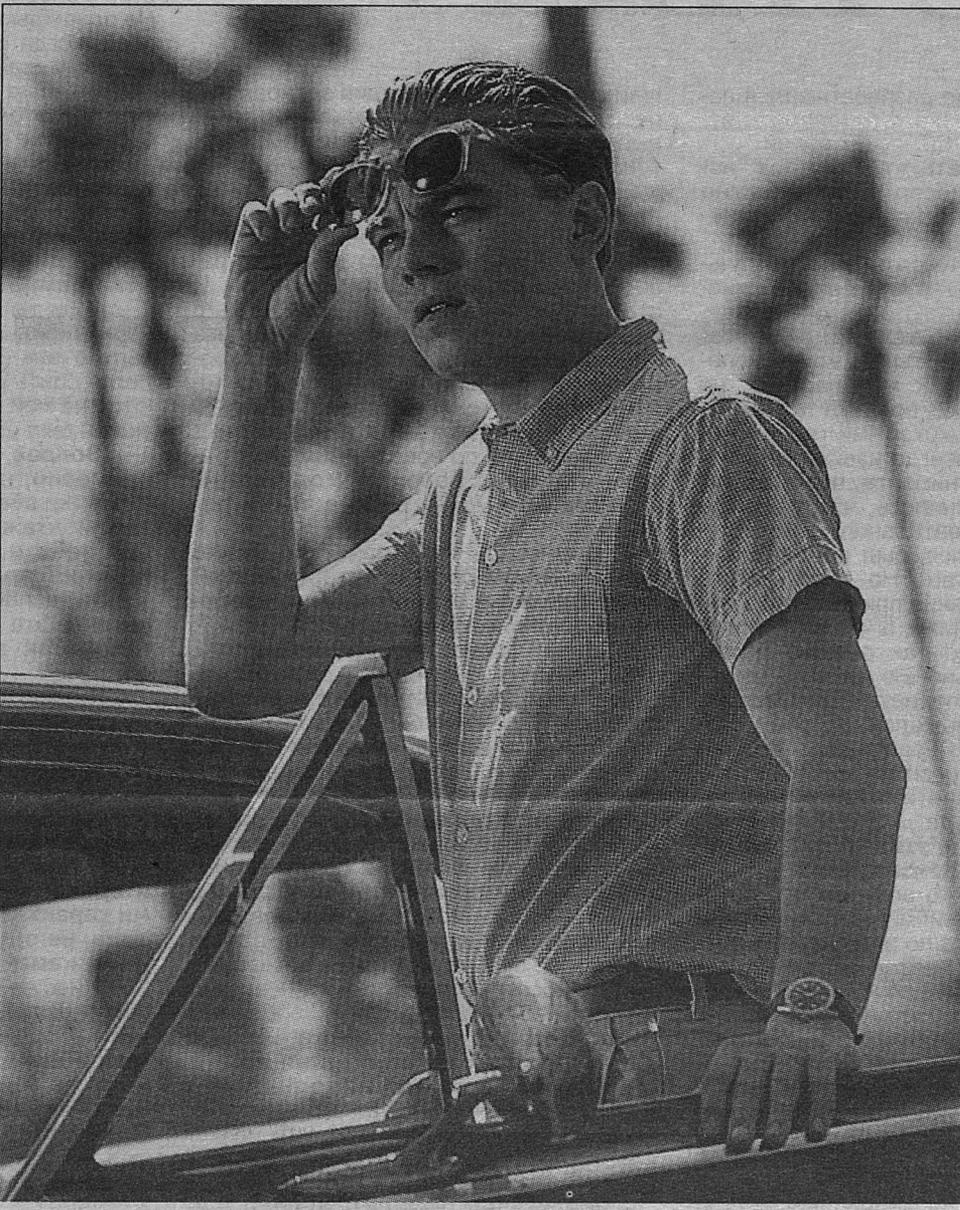
— Что помогло вам принять вашу славу и относиться к ней спокойно?

— В фильме “Поймай меня, если можешь” я работал с Томом Хэнксом и Стивеном Спилбергом — самым знаменитым актером и самым знаменитым режиссером в мире. Я смотрел на них и понимал, что можно остаться блестящим профессионалом и замечательным человеком, несмотря на славу и восхищение поклонников. Конечно, бывают моменты, когда репортеры задают мне каверзные вопросы, и мне

пех “Титаника” не мешает моей дальнейшей работе в кино. Хотя мне пришлось отвергнуть много ролей, которые были похожи на то, что я сыграл в “Титанике”.

— Правда ли, что вы отказались от роли в “Человеке-пауке”?

— Я рад, что эту роль сыграл Тоби (Мэгвайр). Я всегда знал, что он станет большой звездой. Он природный актер, и его гораздо меньше раздражает изнанка шоу-бизнеса, потому что он гораздо более выдержанный человек, чем я. Мы с ним большие друзья, давно друга друга знаем, много говорили

ботал специально для этой роли. Ничего больше.

— Вы понимаете такое отношение к работе на грани самопожертвования?

— Я понимаю, почему Дэй-Льюис так редко снимается в кино. Он слишком много отдает, и ему приходится подолгу восстанавливать утраченное. Мы с ним работаем по-разному. В перерывах между дублями я могу есть пиццу и не переживать из-за того, что вышел из образа. Я ныряю в роль одновременно с командой “мотор!”. Но я понимаю и уважаю его стремление полностью уйти в роль, раствориться в персонаже. И я восхищаюсь результатами, которые мы видим на экране.

— В разговоре с вами невозможно не упомянуть о феномене “Титаника” и вашем невероятном взлете к славе шесть лет назад. У вас не было страха стать жертвой СМИ и пойти по пути молодых звезд, разрушивших себя?

— Вы имеете в виду Ривера Феникса? Мы не были знакомы, хотя мне хотелось бы... Было время, когда каждая роль, предлагавшаяся мне, казалась скроенной по

хотелось убежать от них на край света. Но я не буду жаловаться: мне очень повезло, потому что я занимаюсь любимым делом, и всегда буду благодарить свои счастливые звезды за то, что стал актером. Думаю, пока я буду помнить о том, что мне повезло, все будет хорошо.

После “Титаника” у меня был тяжелый этап, когда за мной постоянно охотились папарацци. Но я тех пор многому научился. Я понял, что должен скрывать свою частную жизнь, чтобы зрители воспринимали меня как моих персонажей, а не как Леонардо. Потому что иначе неизбежно начинаются разговоры: “Ах, я не верю, это не Амстердам, это красавчик Лео...”

— Вы не боялись, что “Титаник” навсегда останется высшей точкой в вашей карьере?

— Мне потребовалось время, чтобы обдумать ситуацию и научиться правильно относиться к своей карьере. Актер должен всегда быть готов к провалам и неудачам, потому что иначе он никогда не будет экспериментировать и не сможет познать себя. Я надеюсь, что ус-

считает роли Человека-паука, и это нисколько не мешает нашей дружбе.

— Как вы расцениваете два фильма, в которых вы снялись сразу после “Титаника” — “Человек в железной маске” и “Пляж”?

— Они получились не такими, как я рассчитывал, но они помогли мне вырасти в актерском отношении, потому что я работал с людьми, которыми восхищаюсь. К сожалению, готовый фильм далеко не всегда получается таким, каким видишь его мысленно во время чтения сценария. Тем не менее я по-прежнему считаю “Пляж” интересным произведением. В нем есть много справедливых наблюдений за человеческой натурой, о том, что человек способен разрушить рай, если он его найдет. Мысленно я воображал более экзистенциальный фильм, но кое-что из наших идей потерялось по дороге на экран, и я ничего не мог поделать, потому что у меня не было контроля над этим проектом. “Человек в железной маске” не относится к числу моих любимых фильмов, но я не мог отказаться сниматься, потому что благодаря ему у меня появи-

лась возможность поработать с гениальными актерами, в первую очередь с Деппом. После этого я долго не снимался, потому что не мог найти ничего подходящего. Я искал, пока не нашел проекты, которые мне нравились.

— Ваше возвращение получило весьма странный отклик: одновременно на экраны вышло два фильма с вашим участием, которые соревновались в прокате.

— Самое смешное, что “Банды Нью-Йорка” должны были выйти на год раньше. Но так получилось, что фильм вышел только сейчас. Повлияли и политические, и экономические факторы. Так или иначе, я рад, что мне удалось вернуться.

— Вам исполнилось 28 лет. О чем вы сегодня мечтаете?

— О том, чтобы я мог работать очень-очень долго. И раскрыть свои актерские способности по максимуму. Сегодня я далек от того, чтобы гордиться своими достижениями. Я хочу играть лучше. Мне предстоит сделать еще очень много.

— Каковы ваши ближайшие планы?

— Кинобиография Говарда Хьюза “Авиатор” — ее собирается ставить Мартин Скорсезе. И “Александр Македонский” База Лурмана. Но это такой огромный проект, что его придется раскручивать и готовить к постановке очень долго. Забавно — я только недавно осознал, что в моей фильмографии очень много биографических фильмов: “Ядовитый плющ”, “Баскетбольные дневники”, “Полное затмение”, “Поймай меня, если можешь”... Наверное, потому что реальные истории вдохновляют тебя сильнее, нежели вымышленные. Как правило, они превосходят все, что может придумать писатель или сценарист; они фантастичнее любых футуристических боевиков и глубже любых проблемных драм.

— Вы создали собственную производственную фирму Arrian Way. Откуда взялось это название и что в планах вашей фирмы?

— Arrian Way — это Аппианова дорога, по которой я ходил каждый день на съемочную площадку “Банд Нью-Йорка”. По обочинам дороги расположены гробницы, которые пережили все великие события в римской истории, от возвышения до падения Рима. Это очень символическая дорога, и я решил, что ее название подойдет для моей фирмы. Мне не хотелось бы создавать большую производственную структуру, меня интересует продюсирование маленьких независимых проектов, возможность работать напрямую со сценаристами, минуя крупные студии — по крайней мере, на начальной стадии проекта. Я разрабатываю на своей фирме проекты для себя, хотя не исключаю, что позже передам их кому-то еще. Я читаю много сценариев, и у меня очень хорошая команда. В фирме работает 7 человек, и наша главная цель — открывать что-то новое. В данный момент несколько проектов находятся в стадии разработки, но ни один из них еще не запущен.